

ПОДВОДЯ
ИТОГИ СЕЗОНАТЕАТР
НАЧИНАЕТСЯ
С АФИШИ

НАВСЕГДА запоминается эмоциональное потрясение, когда в едином порыве зал, например, подхватывает песни революции Эрнста Буша. Воспоминания об инсценировке романа Дж. Ридс «Десять дней, которые потрясли мир» в Театре на Таганке неразрывны с озорно распевавшими куплеты матросом и красногвардейцем, что встречали нас на улице у входа в театр, с революционными солдатами, на контроле накаливавшими билеты зрителей на штыки винтовок, алыми багрями на груди, — той приподнятой атмосферой Октября семнадцатого года, которой проникнут и сам спектакль.

Чувством времени, ощущением того, чем живет сегодняшний зритель, каждый раз по-новому удивляет Г. Товстоногов. И не случайно его многие спектакли годами не сходят с афиши театра. Творчество прославленных мастеров Академического театра драмы имени А. С. Пушкина радует тончайшими психологическими нюансами в раскрытии духовных богатств человеческой личности, гуманизмом, неослабимой жизнелюбивостью. Незаметный след в сердцах зрителей оставляет искусство Н. Симонюка, Ю. Толубеева, А. Борисова, В. Меркурьева, И. Горбачева.

Радость соприкосновения с творчеством талантливого актера, непередаваемые мгновения одновременных эмоциональных сопереживаний зала, солидарность зрителей с тем, что происходит на сцене, придает искусству театра ту неповторимую прелесть, возбудимость и доставляет эстетическое наслаждение, которые не в силах заменить экран телевизора в уютной тишине собственной комнаты и даже величественный кинофильм.

Но театр, воздействуя на чувства, апеллирует и к сознанию зрителей. Они испытывают немалое удовольствие и от необходимости самостоятельного осмысливать виденное, поднимаясь порой до уровня философских обобщений. Элемент критической оценки неизбежный при этом, оттачивает эстетический вкус.

РОЛЬ театра в эстетическом воспитании трудящихся не ограничивается самим спектаклем. Когда-то красочные афиши Н. Акимова уже подготавливали зрителей к спектаклю. Эта традиция давно утрачена в Ленинграде. Но ТЮЗ по-своему настойчиво вводит юную аудиторию в спектакль. Достаточно взглянуть на программу представления «Наш, только наш», красивый фон жетовой прочерчен нотными станами с озорным человечком-скрипичным ключом, рожицами восьмьюшек, а в озорной первой букве «о» слова «только» таинственная перчатка элегантно поддерживает загадочный цилиндр с пером. Чтобы настроиться на атмосферу озорного «фестиваля-сюрприза». Как створки феерической сцены, раскрывается программка «Трех мушкетеров» в Театре имени Ленинского комсомола, самой графичностью рисунка как бы предвосхищая принцип декоративного оформления. Подготавливая зрителей к спектаклю, театры будоражат их воображение, настраивают на определенную тональность, присущую только этому явлению искусства, развивают их эстетический вкус.

А какие чувства может вызвать величественная квадрата с фронтоном знаменитого российского здания на программах старейшего театра города — Академического театра драмы имени А. С. Пушкина? И не вносит ли нотку грусти скульптурный бюст великой русской актрисы Комиссаржевской, постоянно украшающий программы театра ее имени? Какие тонкие законы эмоционального восприятия должен учитывать театр, памятуя об эстетическом воздействии на зрителей?

В фойе театров открыты экспозиции, позволяющие проследить творческий путь коллективов, вспомнить лучшие спектакли, постоять у макетов декораций. Сколь значительнее они уныло расположенным по алфавиту фотографий одинакового размера, одинаково сканозаванных, нередко снятых по шаблону.

С каким интересом слушают люди разных специальностей лекции о театральном искусстве, читают рецензии на спектакли, монографии, об актерах и театрах. Также лекции и беседы постоянно бывают на ленинградских заводах.

НО НЕ всегда та или иная сценическая условность способствует яркому раскрытию характера и идеи произведения. Так, когда-то смело найденный прием спектаклей без завесы, став привычным, зачастую превращается в штамп, порой утрачивает смысл, становится примитивным. Театр забывает, что, подняв завесу, он тем самым начинает спектакль еще до третьего звонка, предлагает зрителям условия игры и еще в большей мере, чем программкой, настраивает их на определенный эмоциональный лад. Принцип «театра в театре», привлекая в этом сезоне нескольких режиссеров, вылился в ироническую интерпретацию «Укрощения строптивой» (Театр имени Ленсовета) и «Трех мушкетеров». Яркая театральность этих спектаклей отвечала сценическому принципу.

Но условность ради условности всегда рискованна, настораживает, может оказаться никчемной. В сложном для восприятия спектакле Театра комедии «Мы бомбили Нью-Йорк» Дж. Хеллера «пьеса в пьесе» переплелась так, что зрителям действительно порой трудно отличить, где актеры — исполнители ролей американских летчиков, репетирующих милитаристическую пьесу, говорят от имени летчиков, а где — от имени изображаемых теми персонажей. Но режиссер Ю. Дворкин, кроме того, еще оглушает зал назойливыми выходами «болванов», многочисленными трюками, то и дело направляет одного за другим актеров к средним партерам, а утомленные зрители даже не пытаются прозвать их взглядом. В результате публицистически заостренная мысль антивоенного памфлета о личной ответственности каждого человека за все, с чем он сталкивается, о невозможности спокойно созерцать чужие преступления, не противопоставляя им, когда бы ни найти в спектакле более четкую интерпретацию, если бы режиссер изложил не усложнил действие. Не случайно театр вынужден в программке разъяснять смысл пьесы.

Так театры, стремясь ошеломить задумкой, забывают о его возвышающих эстетических требованиях. И тогда даже оригинальный замысел утрачивает смысл.

Только театр, способный каждым спектаклем открывать для зрителей новое, вести за собой, приобретающий к прекрасному, может рассчитывать на подлинное признание. Такой театр обогащает человека, расширяет его кругозор, принимает участие в эстетическом воспитании гармонически развитой личности.

Э. БЕЛАЯ